

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 107-119. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.107
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

The Evolution of Mechanisms of Interaction Between State and Society in the Sphere of Preservation of Historical-Cultural Heritage in the Russian Empire

Viktor A. Livcov ^{a,*}, Vladimir I. Filonov ^a, Aleksandr S. Pozhidaev ^a, Kseniya S. Nilaeva ^a

^a Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPa, Russian Federation

Abstract

The article considers a complex and contradictory process of the formation of state-public relations in the field of preservation of historical and cultural monuments in the Russian Empire. Special attention is paid to the issue of the relationship between the state and the church in this sphere. The study considers the periodization of the registration of the protection of objects of historical and cultural heritage: the 18th century, the nineteenth and early twentieth centuries, the Soviet era, the post-Soviet period. The authors pay attention not only to positive, but also negative experience of restoration and construction practices associated with the destruction of monuments of architecture. In addition, issues of formation, development and popularization in the Russian Empire of regional studies and collectibles are considered. The article cites facts that testify to the fact that during the period of the Russian Empire's existence, a rich and diverse experience of interaction between state authorities and public associations within the framework of monumental protection activity was gained. The authors conclude that the mechanism of interaction between the Russian state and society in the field of protection of historical and cultural heritage sites, formed in the XVIII – early XX centuries, has become a fruitful basis for the formation of a modern model for the preservation of historical and cultural heritage sites.

Keywords: historical and cultural heritage, the state, society, Russian empire, politics, power, lawmaking, church, restoration, local studies.

1. Введение

Создание системы охраны памятников истории и культуры представляется для любого народа актуальной задачей в силу того, что наличие материальных свидетельств прошлого является необходимым условием сохранения культурной и цивилизационной идентичности нации. Кроме того, для такой полиэтничной и многоконфессиональной страны, как Россия, историко-культурное наследие выступает одним из важнейших факторов консолидации общества, обеспечивающим предметное отождествление каждой конкретной социальной группы с соответствующей ей системой ценностей в рамках общего исторического прошлого (Пожидаяев, 2017: 43-46).

В этой связи, рост интереса исследователей к различным аспектам изучения истории народов актуализирует вопрос о соотношении общего и частного в процессе формирования исторических детерминант социокультурных и цивилизационных основ идентичности (Merkulov et al., 2017: 765-775).

Потребность в создании системы охраны объектов историко-культурного наследия стала острее ощущаться в связи с динамичными преобразованиями в Европе в ходе промышленной революции XVIII в., когда модернизация затронула историческую застройку и возникла опасность неминуемой утраты памятников материальной культуры. Вследствие этого встала проблема сохранения зданий и сооружений, предметов быта и культуры, представляющих ценность. Также возникли вопросы разработки критериев, в соответствии с которыми происходило бы выявление объектов,

* Corresponding author

E-mail addresses: livcov@rel.ranepa.ru (V.A. Livcov), filonovi@mail.ru (V.I. Filonov), alexandrpozhidaev@yandex.ru (A.S. Pozhidaev), nilaeva98@mail.ru (K.S. Nilaeva)

заслуживающих сохранения, путей и методов их восстановления и создания содействующих этому механизмов.

Именно это легло в основу выбора хронологических рамок исследования, определенных периодом с начала XVIII по начало XX столетия.

В России наличие эффективной системы сохранения историко-культурного наследия позволяет формировать патриотизм и нравственность у населения страны и региона, препятствует фальсификациям исторического прошлого, которые стали использоваться некоторыми иностранными государствами, видящими в нашей стране своего политического конкурента, в качестве когнитивного оружия для создания негативного информационно-психологического фона (Ливцов и др., 2017: 100-107).

Таким образом, исследуемая проблема все больше актуализируется как в научно-теоретическом плане, так и в контексте государственной управленческой практики. Чтобы понять специфику формирования механизма системы сохранения историко-культурного наследия следует обратиться к прошлому, к накопленному теоретическому и практическому опыту, полученному благодаря осуществлению государственно-общественного взаимодействия в данной сфере.

Повышенное внимание к вопросу исторического анализа становления системы охраны историко-культурного наследия очевидно и определено потребностью формирования путей и методов дальнейшего выявления, сохранения, восстановления и популяризации исторических объектов. Материальные памятники представляют собой важную неотчуждаемую часть культурно-исторического кода страны, являются источником информации и свидетельством того или иного важного события прошлого.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляет обширный массив материалов, которые можно условно разделить на две группы.

К первой группе письменных источников авторы относят принятые и опубликованные законодательные и иные нормативно-правовые акты, созданные в период с начала XVIII по начало XX вв., регламентирующие деятельность органов государственной власти в сфере охраны объектов историко-культурного наследия. В изученных документах содержатся конкретно сформулированные задачи, главные принципы и направления деятельности юридических субъектов, а также обозначены пределы компетенции государственных и церковно-государственных органов (в том числе – Синода) и других организаций в рамках исследуемой темы.

К ним относятся Полное собрание законов Российской империи, циркулярные распоряжения Министерства внутренних дел, указы и определения Святейшего Синода, а также материалы делопроизводства органов российской государственной власти дореволюционного периода отечественной истории.

В совокупности эти источники представляют нормативно-правовую базу деятельности государственных органов как элемента системы охраны объектов историко-культурного наследия, и, следовательно, являются наиболее достоверным историческим свидетельством, лишённым авторской тенденциозности. Помимо этого, данные документы позволяют наметить общий курс развития системы охраны объектов наследия, в исследуемый период.

Вторая группа письменных источников представлена материалами периодической печати, например, журналами «Летопись» и «Старые годы» и меньшевистской газетой «Новая жизнь».

Кроме того использовались источники личного происхождения. К ним можно отнести воспоминания и мемуары деятелей российской истории и культуры, записки путешественников.

Методологическая основа исследования представлена как общенаучными методами познания, так и примыкающими к ним частнонаучными. Использованы хронологический, проблемно-целевой, сравнительный, юридический и другие методы. В исследовании применялись описательный и сравнительно-исторический методы, предоставившие возможность изучить механизм формирования и функционирования системы охраны историко-культурного наследия, а также выявить закономерности формирования культурной политики государства в исследуемой сфере в соответствии с потребностями различных исторических периодов, в которые происходили те или иные государственные трансформации.

3. Обсуждение

Проблема формирования системы охраны и использования объектов историко-культурного наследия, несмотря на существование в научной литературе ряда теоретических работ, посвященных изучению исследуемого вопроса, до настоящего момента комплексной проработки не получила. Отметим, что большая часть существующих исследований была произведена в новый и новейший период исторического развития.

Говоря о заслугах дореволюционных исследователей системы охраны историко-культурного наследия, следует признать верное осмысление ими ее роли и места в структуре государственно-общественных отношений в императорской России. Также в этот период бурно начало развиваться краеведение в российских регионах, представители которого в своих трудах также затрагивали

данные вопросы. Выводы исследователей начала XX в. стали основанием для обобщающих работ, проведенных в последующем. В качестве примера здесь можно упомянуть научный труд А.М. Разгона «Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917 гг.)» (Разгон, 1957: 73-128).

Аналитическая литература советского и постсоветского периодов, которая включает статьи, монографии и диссертационные исследования, проливает свет только на общие аспекты формирования механизмов сохранения историко-культурного наследия в России. Примером является работа Ю.Н. Жукова «Роль права в охране культурно-исторического наследия в первые годы советской власти» (Жуков, 1983: 81-92).

Одним из первых в советской историографии к этим вопросам обратился А.М. Разгон. К его заслугам относится системное изложение накопленной фактологии о деятельности государственных органов и должностных лиц в исследуемой сфере, а также создаваемых в России в то время общественных организаций и научных обществ. Этот подход дал возможность сформировать общее представление о генезисе и первоначальном развитии общественного интереса к российскому историко-культурному наследию и появлению у государственных органов некоторых функций связанных с охраной памятников.

Развитие идеи сохранения культурных ценностей в русском обществе стало предметом изучения в одной из статей А.А. Формозова – автора нескольких трудов на тему анализа отношения общественности к состоянию памятников истории. Именно в его работах были впервые проанализированы процессы формирования и развития научных учреждений и общественных организаций, занимавшихся исследованиями памятников археологии; автор также изучил становление государственной системы охраны отечественного историко-культурного наследия (Формозов, 1990).

Деятельность научных сообществ, посвятивших свою деятельность охране объектов историко-культурного наследия, была рассмотрена в исследовании А.Д. Степанского «История общественных организаций в дореволюционной России» (Степанский, 1979).

Исторические очерки, предметом которых стало изучение анализируемой проблемы, можно обнаружить на страницах энциклопедических изданий, издававшихся в разные годы (Брей, 1990; Советская историческая, 1961а; Советская историческая, 1961б).

Историю создания системы сохранения культурного наследия религиозного назначения и деятельности церковных обществ и учреждений, занимавшихся вопросами охраны исторических артефактов и строений, изучили В.С. Дедюхина в исследовании «Из истории сохранения отечественных памятников церковной старины (вторая половина XIX – начало XX вв.)» (Дедюхина, 1994: 81-92) и И.И. Комарова в работе «Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конце XIX – начала XX в.» (Комарова, 1992: 83-102).

Таким образом, анализ историографии по данной проблеме позволяет сделать следующий вывод: несмотря на наличие ряда исследований, посвященных отдельным аспектам охраны историко-культурного наследия в период с 1700 по 1917 гг., пока что не было предпринято попыток комплексного осмысления и обобщения накопленного теоретического и практического опыта по изучаемой теме.

4. Результаты

В России процесс осмысления ценности объектов историко-культурного наследия прошел непростой путь. При этом представления о ценности тех или иных сооружений и предметов искусства постоянно трансформировались на каждом этапе отечественной истории, в зависимости от смены различных идеологических парадигм. В разные эпохи способы и средства сохранения историко-культурных объектов имели свою специфику. Но всегда результативность сохранения исторических ценностей находилась в прямой зависимости от степени скоординированности усилий государственных органов и общественных организаций.

В процессе становления сферы охраны объектов историко-культурного наследия можно выделить несколько этапов:

- 1) XVIII в. – период зарождения памятникоохранительного процесса в России;
- 2) XIX – начало XX вв. – формирование основ системы государственной охраны историко-культурного наследия;
- 3) советское время – формирование модели государственно-общественного контроля над сохранением историко-культурного наследия;
- 4) постсоветский период, когда процесс охраны памятников поднялся на качественно новый этап, была полностью сформирована современная законодательная база, созданы государственные органы специальной компетенции в регионах по сохранению наследия (Национальный атлас, 2009: 480-482).

Стоит отметить, что два последних элемента классификации не рассматриваются в исследовании, так как не соответствуют хронологическим рамкам изучаемого периода.

Со времени воцарения Петра I (1682–1725) начинает формироваться отношение государственных институтов к проблеме сохранения как церковных, так и светских объектов историко-культурного наследия.

В допетровскую эпоху понятия «памятник» еще не существовало, а основным критерием отнесения объектов к категории заслуживающих сохранения была их религиозная значимость для верующих. Иными словами государство не допускало порчи и разрушения тех объектов, которые играли важную роль в религиозной деятельности. Благодаря этому критерию до наших дней дошли отдельные ценные образцы культовых сооружений, древние иконы, церковная утварь, рукописные и старопечатные книги, уникальные документы и личные вещи канонизированных святых.

Царь декларировал освобождение духовенства «от крайнего увлечения экономической стороною» и призвал «обратить его к прямым, духовным делам». Он потребовал восстановить церковную дисциплину и, поднять уровень религиозного просвещения (Рункевич, 1900а: 48-64), видя в церкви лишь специфическую часть государственного механизма, а также предпринял практические действия по осуществлению государственного контроля над сохранностью церковных ценностей. Среди основных законодательных документов периода правления Петра I: указ 1718 г. (ПСЗРИ, 1718: 511); указы 1720 г. (ПСЗРИ, 1720а: 277) и 1721 г. (ПСЗРИ, 1720b: 357-358) и, наконец, указ 1722 г. (ПСЗРИ, 1722: 511-512).

В соответствии с указом Петра I от 20 апреля 1722 г., подражая европейской моде на создание музеев диковинных вещей – кунсткамер, были определены категории первых государственных экспертов, именуемых «знающие люди». Предполагалось, что их деятельность должна была заключаться в осмотре старинных вещей и выявлении всего «старого и курьезного», как церковного, так и светского, для последующей доставки этих предметов в Сенат (ПСПиР, 1722а).

Было положено начало закупке произведений искусства за границей: в Россию доставили первые античные статуи и множество живописных полотен голландской и фламандской школы. Их разместили в Кунсткамере, в Петергофе, в летнем дворце царя в Санкт-Петербурге (Формозов, 1990: 20).

Наметились и первые шаги по сохранению недвижимых памятников. В 1722 г. Петр I прибыл с визитом в Булгар, бывшую столицу Волжской Булгарии, Осмотрев развалины, он велел казанскому губернатору отправить сюда «каменщиков с довольным количеством извести для починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов, пещись о сохранении оных, и на сей конец всякий год посылать туда кого-нибудь осматривать для предупреждения дальнейшего вреда...» (Сборник, 1996: 15).

Продолжалось собирание исторически и художественно ценных религиозных предметов. Поводом для вмешательства в имущественные дела послужило публичное проявление церковью отсутствия способности сохранять находящиеся у нее во владении реликвии. Религиозные сооружения ветшали, разрушались, сносились или бесконтрольно перестраивались. Фрески «записывались» без возможности восстановления. Понимая опасность подобных практик, монарх 11 мая 1722 г. издал указ, в котором велел «городские древние каменные храмы починять, а новые воздвигать исключительно по рассмотрению Синода» (ПСПиР, 1722b).

Позже, Указ Синода от 26 мая 1725 г. повелел представить в Синод ведомости о привесах, снятых с икон и о других старинных «замечательных вещах». Также, документ наложил запрет управителям монастырей снимать оклады с икон, а для нарушителей предусматривал наложение штрафных санкций.

Таким образом, формирование системы государственных мер по охране объектов историко-культурного наследия можно проследить с 1720 г. Установленный государственный контроль над частью церковного имущества осуществлялся в контексте формирования абсолютизма, когда монарх стремился контролировать все аспекты жизни подданных по европейскому образцу.

По инициативе М.В. Ломоносова, графа К.Г. Разумовского и Я. Штелина была начата работа, предполагавшая сотрудничество вновь созданной Академии наук с заменившим Патриарха Святейшим Синодом, который должен был аккумулировать данные о религиозных зданиях и сооружениях и предоставлять Академии «копии с исторических описаний от времени построения оных для сочиняющейся Российской истории» (Львович-Кострица, 1912: 20).

Концепция отечественной исторической науки того времени имела своей целью не только осмыслить прошлое, но и определить идеологическую основу желаемого будущего. В петровский период реализация этой позиции последовательно развивалась: продолжатели государственного курса наследовали «причесанную» и идейно выверенную историю.

В этот период времени повышающийся интерес к истории и материальным объектам прошлого затронул просвещенные слои российского общества, активизировав страсть к коллекционированию предметов старины. В плеяде известнейших коллекционеров того времени необходимо отметить генерал-фельдмаршала Я.В. Брюса, ученого П.Г. Демидова, а также А.А. Виниуса и братьев Голицыных.

Однако нельзя недооценивать возникший диссонанс реформаторской деятельности Петра I со сложившимися многовековыми русскими традициями, а также повсеместное навязывание новой застройки по западноевропейскому образцу, что неизбежно приводило к небрежному отношению государства и подданных к сохранению многих древних монументальных объектов историко-культурного наследия. В империи прошла волна уничтожения старинных часовен, кладбищ, домовых церквей и пр.

Важно упомянуть, что государственная имущественная политика Петра I носила исключительно прагматический характер, так как страна остро нуждалась в финансах, направляемых на военные расходы и реформы. Источники подтверждают, что для того, «чтобы вынести тяготы шведской войны, правительство брало отовсюду, откуда только можно было взять: и с крестьян, и с помещиков, и с состоящих на государственной службе, и с духовенства, и с православных, и с раскольников» (Рункевич, 1900b: 26). От имущества, принадлежавшего церкви и представляющего экономическую ценность, власти было необходимо «взять в пользу государства все, что оказывалось сверх необходимого на удовлетворение самых неотложных церковных нужд» (Рункевич, 1900b: 5).

В кратковременный период правления Екатерины I (1725–1727) был принят указ «О порядке хранения вотчинных дел в Государственном архиве и о переписке столбцов Вотчинной коллегии в тетради» (ПСЗРИ, 1726: 562-563), направленный на повышение эффективности хранения документальных памятников и сохранении данных по отечественной истории и о памятниках прошлого.

Во время правления Петра II (1727–1730) в Москве было разрешено каменное строительство «кто как похочет» (ПСЗРИ, 1728a: 11), а Оружейная палата стала хранилищем «государственных и археологических редкостей». В 1728 г. ей были переданы бесценные государственные коронационные регалии (ПСЗРИ, 1728b: 22).

При императрице Анне Иоанновне (1730–1740) в 1732 г. было «повелено серебряные и золотые примечательные вещи, имеющиеся в присутственных местах, оставленные для курьезитету, передать в Мастерскую Палату» (ПСЗРИ, 1732: 896). В период ее правления историком В.Н. Татищевым была сформирована инструкция по сбору археологических, географических и этнографических сведений, принятая во внимание Академией наук и разосланная по губерниям (Материалы по вопросу, 2009: 11).

Многие указы, относящиеся ко времени правления Елизаветы Петровны (1741–1761), посвящены установлению регламентов строительной и ремонтно-монтажной деятельности древних сооружений, в том числе – московского Кремля. В период ее правления были заложены основы профессиональной реставрационной деятельности в России – в 1743 году в Петербург приглашаются художники Георг Христофор Гроот и Лукас Конрад Пфандцельт (Фанцельдт), занимавшиеся сохранением и поддержанием в подобающем виде дворцовой живописи (Алешин, 1989). Большой интерес представляет указ от 1 июня 1749 г., который предписывал «находящиеся в Москве ветхие казенные строения от тех мест, где оные ведомы, починить каждому своего ведомства и содержать во всякой исправности; а буде то строение весьма ветхо и к падению склонно, то оное разобрать и построить вновь, как надлежит» (ПСЗРИ, 1749: 67-68). Предпринимались меры по сокращению риска распространения городских пожаров. Так, 27 мая 1753 г. появился указ, в котором «Ея императорское величество указать соизволила: впредь от сего времени в Москве, в Кремле и в Китае городе, деревянного никакого строения строить не допускать, и которое ныне есть, оное сломать, а строить каменное» (ПСЗРИ, 1753: 840). Позже свет увидел указ «О сломании в Китае городе деревянных харчевен, шалашей и прилавков и о построении каменного дома для помещения в оном харчевен из оброка» (ПСЗРИ, 1754: 249-251), что также способствовало предотвращению пожаров и улучшению обзора старинных храмов.

К первому десятилетию царствования Екатерины II (1762–1796) относится «проект кремлевской перестройки». Это была явная угроза для древних памятников Москвы. Являясь поклонницей европейского стиля, императрица решила построить в Кремле новый дворец и одновременно перепланировать весь столичный центр. Реконструкцией руководил В.И. Баженов, который уже к 1770 году, расчищая строительные площадки, уничтожил несколько памятников древнего зодчества: были разобраны корпуса приказов, житный и денежный дворы, годуновский запасный дворец, казенный двор, палаты Трубецких, церковь Косьмы и Дамиана, Черниговский собор и многие постройки Чудова монастыря (Формозов, 1990: 26). Также была уничтожена значительная часть кремлевской стены, обращенной в сторону Москвы-реки. Иными словами, всего за два года были полностью разрушены столетиями возводимые ансамбли. Позже Екатерина II, возможно осознав масштаб последствий этих разрушений для российской культуры, в 1774 году остановила все работы по демонтажу старинной застройки Кремля.

При Павле I (1796–1801) был принят «Высочайше утвержденный Устав столичного города Москвы» (ПСЗРИ, 1799: 528-540), одна из глав которого возлагала обязанность по рассмотрению планов и фасадов на военного губернатора. Также документ устанавливал, что «полиция имеет строгое наблюдение за исправностью в городе мостов, перевозов, мостовых, чистотою улиц, освещением города и точным от обывателей исполнением их повинностей» (ПСЗРИ, 1799: 528-540).

В начале правления Александра I (1801–1825) пришла новая волна кремлевских погромов: чиновники планировали придать Кремлю «подобающий» вид, для чего предполагали демонтировать еще ряд построек, которые якобы «помрачают своим видом все прочие великолепные здания» (Формозов, 1990: 27). Были уничтожены Сретенский собор, Хлебный и Кормовой дворцы, Троицкое подворье, Гербовая башня, часть Потешного дворца, церковь Богоявления, а также здания заднего государева двора.

Артефакты, хранившиеся в Оружейной палате, подверглись ревизии: предметы, представлявшие, с точки зрения чиновников, наибольшую культурно-историческую ценность были оставлены, а остальные безжалостно распроданы.

Реакцией на это самочинное деяние стал именной указ Александра I «О правилах управления и сохранения в порядке и целости находящихся в Мастерской и Оружейной палате древностей» от 1806 года, предписывавший «...ничего не продавать и никаким вещам из палатского хранилища отпусков не чинить без особого указа...» ([ПСЗРИ, 1806: 133-135](#)).

После завершения войны с Наполеоном в России наблюдался кризис «европеизации», связанной с трансляцией и полной ассимиляцией всего русского и начинается постепенное воссоединение с временно забытыми национальными традициями.

Сохранился ряд документов по восстановлению Москвы после пожара 1812 г. Например, в императорских замечаниях на «вновь прожектированный план столичного города Москвы» от 29 сентября 1813 года, в частности, говорится: «1. Лавки на Красной площади (со входу в Воскресенские ворота направо), закрывающие вид Кремля, уничтожить. 2. Лавки, закрывающие вид здания церкви Василия Блаженного, равномерно уничтожить же; но самую церковь оставить и поддержать ее в прежнем виде. 3. Стены Кремля и Китая города поддержать в первобытном их положении» ([Указатель законов, 1814](#)).

В эпоху правления Николая I (1825–1855) в государственной политике наблюдается значительное повышение внимания к сбору и изучению национальных реликвий. 31 декабря 1826 г. был издан циркуляр МВД, санкционировавший выявление памятников архитектуры на местах и организацию их охраны. Документ также обязывал губернаторов извещать высшие органы государственной власти о наличии и состоянии старинных зданий ([ПСЗРИ, 1827: 1070](#)).

Проблеме сохранения историко-культурного наследия уделил внимание Строительный устав, принятый в 1832 г. и запрещающий уничтожать древние сооружения, а также делегировавший полномочия по контролю за их сохранностью губернской власти.

«Теория официальной народности», автором которой является министр народного просвещения С.С. Уваров, существенно оживила интерес широкой общественности к прошлому своей страны. Ее основные принципы Уваров озвучил в докладе императору «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения», состоявшемся 19 ноября 1833 г. во время его вступления в должность ([ОПИГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 12-18](#)). Приняв ответственность за реализацию просветительской политики, он хотел, чтобы Россия избежала революционных потрясений, пережитых Европой. По своей сути он был глубоко западным человеком, но одновременно с этим желал, чтобы российская молодежь получила образование европейского уровня, но «лучше знала Русское и по-Русски». Лозунгом своей министерской деятельности он сделал знаменитую триаду «Православие, Самодержавие, Народность», перефразировав старинный военный девиз «За Веру, Царя и Отечество!» ([Уваров, 1995: 68-78](#)).

Таким образом, в первой трети XIX в. повышающийся интерес к истории и материальным памятникам постепенно стал частью процесса национальной самоидентификации. Так, например, в периодических изданиях появилось множество сообщений об объектах историко-культурного наследия: «Вестник Европы», «Северный архив» и «Отечественные записки» публиковали заметки, авторами которых были не только столичные специалисты, но и провинциальные краеведы ([Формозов, 1990: 38](#)).

В 1830–1840-е годы было введено в обиход понятие «памятник зодчества». В проекте специального закона об охране «памятников старины» так называли объекты деревянного и каменного строительства, а также искусственные насыпи – валы, городища, курганы ([Полякова, 2006: 60-63](#)). Значительно позже, уже в начале XX в., в эту категорию стали входить усадьбы.

В 1843 г. Синод запретил записывать древние фрески при обновлении церквей ([ПСЗРИ, 1843: 113-122](#)).

Иногда повышенное внимание общественности к состоянию памятников не только не нравилось властям, но и вызывало их беспокойство. Так, начальник штаба Корпуса жандармов Л.В. Дубельт в 1845 г. докладывал царю: «Славянофилы наши, подражая ученым Западной Европы, заботятся о сохранности памятников древности... Не кроется ли под их патриотическими возгласами целей, противных нашему правительству» ([Лемке, 1909: 217](#)).

Часто в рассматриваемый период вместо конкретной работы много времени впустую расходовалось на бюрократические процедуры. Отсутствовал единый орган, решающий вопросы сохранения объектов историко-культурного наследия. Безусловно, в эту деятельность привносился и субъективный фактор - большое влияние монарха и его приближенных на решение проблемы охраны объектов историко-культурного наследия.

Создавая иллюзию повышенной заинтересованности объектами наследия, Николай I и его ближайшее окружение рассматривали их как «достопамятности, которые необходимо сохранять», но не произведения искусства ([Формозов, 1990: 49](#)).

Расширение реставрационных работ на памятниках древнерусского зодчества подчас, из-за нехватки опыта и знаний, приводило к потере и искажению их исторического облика. Например, во

Владимире в 1830-е годы при попытке реставрации Дмитриевского собора были снесены его древние галереи и лестничные башни и смыты фрески XII века.

В годы правления Александра II (1855–1881) была принята новая редакция Строительного устава. Документ закреплял, что «строжайше воспрещается разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности под ответственностью за нарушение сего начальников губерний и местных полиций» (СЗРИ, 1857: 208-242). Он также содержал нормы, согласно которым «издержки на исправление и поддержание древних зданий обращаются на счет городов, в коих самые здания те находятся, а на Государственное казначейство единственно при недостаточности городских сумм» (СЗРИ, 1857: 208-242).

В середине XIX в. проблема сохранения историко-культурного наследия и осмысление его важной роли в деле воспитания населения в духе национальных традиций стала предметом как явных, так и латентных дискуссий.

По большей части для ее решения, в 1859 г. была создана Императорская Археологическая комиссия, которая осуществляла свою деятельность до 1917 года. Главной ее задачей была работа по проведению археологических раскопок на территории государства, однако параллельно для всех государственных учреждений Комиссия была курирующим учреждением по широкому спектру вопросов, так или иначе связанных с охраной историко-культурного наследия (Материалы по вопросу, 2009: 20-22). Тем не менее, нормативно-правовая база в сфере сохранения объектов материальной культуры сильно отставала и уже не соответствовала актуальным для того времени юридическим потребностям.

Во второй половине XIX века историко-культурное наследие продолжало нести урон от некачественной реставрационной деятельности. Так, в 1860-е годы, во время реставрации собора Рождественского монастыря во Владимире, он был снесен до фундамента и отстроен заново. Также, в 1870-е годы под видом реставрации была почти полностью уничтожена Якиманская церковь в Можайске, окончание строительства которой датировалось концом XIV – началом XV столетия. Наконец, реставрация палат Романовых в Москве и в Костроме превратилась в их полную перестройку.

С началом правления Александра III (1881–1894) связано становление нового этапа в истории России. Сторонники монарха, в рядах которых были известные ученые, общественные и политические деятели, писатели, художники и музыканты, одобряли курс императора «на умиротворение России» и ее культурное развитие.

Как верно было подмечено Ф.М. Достоевским, Александр III начал «с оздоровления корней». Монарх положил начало «нравственному собиранию Руси»: государственная политика сводилась к сохранению и развитию российских духовных основ, традиций и идеалов. При нём был обнародован ряд принятых документов, регламентирующих археологическую и реставрационную деятельность, в частности, Циркуляр МВД гражданским губернаторам «О запрещении производить раскопки на государственных, церковных и общественных землях без разрешения Археологической комиссии» (1886) и определение Синода о необходимости безусловного выполнения указа о порядке реставрации памятников древности (1894).

Конец XIX века можно считать отправной точкой развития профессионального краеведения. В этот период появился широкий круг людей, которые проводили исследования родных мест. Также, повсеместно начали появляться краеведческие общества, которые было бы справедливо рассматривать как составной элемент системы научных обществ России, принимавших участие в сохранении историко-культурного наследия.

В дореволюционный период государственные структуры не были единоличными организаторами процесса сохранения историко-культурного наследия – проблема привлекала широкое внимание общественности. В этой связи можно отметить выдающиеся заслуги Одесского общества истории древностей (1839), Археологической комиссии (1859) и Московского археологического общества (1864), которые внесли большой вклад в дело выявления, изучения и охраны памятников истории и культуры.

На проводившихся съездах упомянутых организаций происходило живое обсуждение проектов нормативно-правовой базы и программ в сфере охраны сооружений, представляющих историческую и культурную ценность, расположенных на всей российской территории. При непосредственном участии членов этих общественных структур в законотворческом процессе государственные ведомства империи издавали документы, запрещавшие самовольные реставрации.

Так, Русское археологическое общество до 1889 г. занималось проведением экспертизы проектов реставрации архитектурных объектов, а важным достижением Московского археологического общества в сфере сохранения памятников является разработка Проекта мер охранения памятников старины – документ позволял систематизировать выявленные объекты, имеющие историко-культурное значение, по следующим разделам: «1. Памятники архитектуры, к которым принадлежат здания как каменные, так и деревянные, и все искусственные насыпи, как то: валы, городища и курганы. 2. Памятники письменности, то есть рукописи и старопечатные книги. 3. Памятники живописи: иконы, стенописи и пр. 4. Памятники ваяния, резьбы и изделия из золота, серебра, меди и железа» (Охрана культурного наследия, 2000: 142-143).

Документ также гласил, что в наибольшей опасности находятся объекты первого и третьего разрядов: «...прежде всего, необходимо охранить памятники архитектуры и живописи и для чего обратить на них особое внимание археологических обществ» (*Материалы по вопросу, 1911: 35-39*).

Проект также предполагал подготовку списков этих объектов, которые должны были быть рассмотрены на заседании особой комиссии, состоящей из делегатов археологических обществ, представителей Академии Наук, университетов и духовных академий, а также чиновников МВД и высших ученых учреждений гражданского и духовного ведомств, по итогам которого все памятники подлежали распределению на два разряда: памятники, которые не могут изменяться «без особого на то Высочайшего соизволения» и те, на изменение которых требовалось разрешение МВД или Святейшего Синода.

Идеи Проекта были приняты I Археологическим съездом. В соответствии с замечаниями и дополнениями, он был доработан и представлен в 1871 г. II Археологическому съезду, после одобрения которым он был отправлен на рассмотрение государственными органами. Проект предполагал учреждение и формирование Императорской комиссии о сохранении исторических памятников, которая организовывалась при Министерстве народного просвещения. К сожалению, дело не было завершено, так как Министерство финансов отказало в выделении средств на реализацию Проекта. Однако документ оказал ощутимое влияние на осмысление государственными органами значимости деятельности по сохранению объектов историко-культурного наследия.

На рубеже XIX–XX вв. мы наблюдаем, что изучение и охрана памятников архитектуры стали приоритетными направлениями в деятельности Московского архитектурного общества (1876), Петербургского общества архитекторов (1872) и Общества архитекторов-художников (1903). В их поле зрения находились не только постройки и сооружения средневековой Руси, возведенные до 1725 г., но и объекты XVIII, XIX и начала XX вв.

Чуть меньшую масштабность носила деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, созданного в 1909 г. в Санкт-Петербурге. Председателем Общества был Великий князь Николай Михайлович (*Беда и др., 999: 18*).

К концу XIX в. на местах была сформирована сеть учреждений и организаций, деятельность которых была направлена исключительно на сохранение предметов историко-культурного наследия. Она состояла из музеев, статистических губернских комитетов (с 1830-х гг.), церковных археологических обществ, древлехранилищ (с 1870-х гг.), губернских ученых архивных комиссий (с 1880-х гг.) и краеведческих обществ. Эти организации часто объединяли не только историков-специалистов, но и обычных любителей старины.

Несмотря на это, во второй половине XIX в. все еще ощущалась потребность в законе, который закрепил бы меры по сохранению и механизмы охраны объектов историко-культурного наследия. Этот вопрос широко обсуждался в различных государственных органах, научных обществах и на страницах периодической печати.

В период правления Николая II (1894–1917) наступил новый важный этап в государственно-общественных отношениях в сфере сохранения историко-культурного наследия и его места в отечественной культуре.

В 1903 г. при Министерстве внутренних дел была организована Комиссия по пересмотру Строительного устава, в 1904 г. и 1908 г. — комиссии по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников.

Сохранился ряд документов, датированных первым десятилетием XX века, которые свидетельствуют об оживлении интереса к сохранению памятников истории и культуры в различных слоях российского общества. Среди них имеется проект положения о Синодальной архивно-археологической комиссии (1908), реорганизованной из Комиссии по разбору и описанию архива Святейшего Синода. К ее существовавшим обязанностям документ добавлял наблюдение за сохранением, описанием и реставрацией объектов историко-культурного наследия, находившихся в ведении Синода.

В 1911 г. был сформулирован проект Положения об охране древностей, текст которого был вынесен на обсуждение в Государственную думу (*Положение, 1911*). Проект документа содержал предложения по формированию системы государственной охраны объектов историко-культурного наследия и закреплял преимущественное право правительства на выкуп всех предметов древностей, на тот момент находившихся в частных коллекциях. Однако, после обсуждения Положение об охране древностей так и не было принято.

Незадолго до революции 1917 года сформировались еще несколько организаций, предпринимавших попытки спасения историко-культурного наследия. Кроме Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, эту проблему обсуждали Всероссийский съезд художников в 1912 г. и Всероссийский съезд зодчих – в 1914 (*Формозов, 1990: 80*).

13 сентября 1916 г. императору Николаю II был представлен доклад «О необходимости образования при Министерстве внутренних дел особого совещания для пересмотра законопроекта об охране памятников древности», но времени для принятия соответствующего закона уже не оставалось (*Карпова и др., 2000: 2*).

Таким образом, при всем многообразии форм и моделей взаимодействия государственных и общественных институтов в сфере сохранения объектов историко-культурного наследия, до 1917 г. так и не удалось создать устойчивую комплексную нормативно-правовую базу, охватывающую все аспекты обозначенной проблемы. Тем не менее, силами различных государственных учреждений и благодаря общественной инициативе разрушение национального наследия в целом было остановлено.

В начале XX столетия и государственные чиновники, и представители сопричастной общественности уже довольно ясно осознали значимость проблемы сохранения объектов историко-культурного наследия. Собранные в прошлом и дошедшие до нас коллекции икон, древней утвари и картин, многочисленные научные и популярные издания по истории искусства, работы архитекторов и художников, вдохновленных творчеством прошлого, деятельность общества защиты памятников – все это свидетельствовало о том, что в России была успешно заложена основа системы охраны объектов историко-культурного наследия (Формозов, 1990: 87).

5. Заключение

В российской истории накоплен ценный опыт не только теоретического осмысления роли и места объектов историко-культурного наследия в жизни государства и общества, но и законотворческой практики взаимодействия этих субъектов права. Он отражен в крупном массиве документов, на протяжении нескольких столетий последовательно формировавших концепцию национального историко-культурного наследия и его охраны.

Начало разработки специализированного законодательства было положено в период реформ Петра I, глубоко затронувших многочисленные аспекты жизни российского общества и предопределивших появление новых государственных и общественных институтов в сфере сохранения объектов историко-культурного наследия.

Именно тогда были приняты первые указы, установившие отношение к памятникам старины, выявлению и учету «куриозных» вещей, ставших основой богатейших коллекций.

В ту же эпоху церковь лишилась своих исключительных прав на владение и использование предметов, представляющих историко-культурную ценность.

В петровский период в России сформировались новые мировоззренческие и эстетические представления, в том числе связанные с сохранением и повышением статуса объектов национального историко-культурного наследия.

Большой интерес представляют реформы преемников Петра Великого, связанные с принятием ряда нормативных актов, регламентирующих сохранение памятников старины.

Существенное развитие система нормативно-правовых актов в сфере охраны объектов наследия получила на протяжении всего XIX столетия.

Отношение государственной власти и общества к объектам историко-культурного наследия, а также к проблеме их сохранения, менялось в XIX в. динамичнее, чем в предшествующий период, но последнее слово неизменно оставалось за властью. Именно поэтому личность каждого российского монарха имела определяющее значение в этом процессе.

Тогда же массово формировались общественные организации, занимавшиеся выявлением, изучением и охраной объектов историко-культурного наследия. Они также привлекали к этой деятельности крупные научные и художественные силы. С течением времени эти организации стали оказывать значительное влияние на государственную власть, концентрируя ее внимание на тех или иных аспектах проблемы сохранения историко-культурного наследия.

Таким образом, механизм взаимодействия российского государства и общества в сфере охраны объектов историко-культурного наследия, сформировавшийся в XVIII – начале XX вв., стал плодотворной основой для становления современной модели сохранения объектов историко-культурного наследия.

Литература

- Алешин, 1989 – Алешин А.Б. Реставрация станковой масляной живописи в России. Л., 1989. 160 с.
- Беда и др., 1999 – Беда А.М., Гучков В.В., Жуков А.Н. Охрана культурного наследия. М., 1999. 71 с.
- Брей, 1990 – Брей У. Археологический словарь. М., 1990. 368 с.
- Дедюхина, 1994 – Дедюхина В.С. Из истории сохранения отечественных памятников церковной старины (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры: Сборник научных трудов*. М., 1994. С. 81-92.
- Жуков, 1983 – Жуков Ю.Н. Роль права в охране культурно-исторического наследия в первые годы советской власти // *Советское государство и право*. 1983. № 11. С. 117-122.
- Карпова и др., 2000 – Карпова Л.В., Потапова Н.А., Сухман Т.П. Охрана культурного наследия России XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. 1. М., 2000. 528 с.

- Комарова, 1992** – Комарова И.И. Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конце XIX – начала XX в. // *Археографический ежегодник за 1990 год*. М.: Наука, 1992. С. 83-102.
- Лемке, 1909** – Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. СПб., 1909. 626 с.
- Ливцов и др., 2017** – Ливцов В.А., Пожидаев А.С., Нилаева К.С. Проблема фальсификации истории Второй Мировой войны: Орловско-Курская дуга. // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2017. Т. 12. № 4. С. 100-107.
- Львович-Кострица, 1912** – Львович-Кострица А.И. Михаил Ломоносов. Его жизнь, научная, литературная и общественная деятельность: биографический очерк. 2 изд. СПб.: типография Ю.Н. Эрлих, 1912. 86 с.
- Материалы по вопросу, 1911** – Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные императорским Московским археологическим обществом. М., 1911. 62 с.
- Материалы по вопросу, 2009** – Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским Археологическим Обществом (Факсимильное воспроизведение издания 1911 г.). / В кн. 150 лет охране памятников в России (материалы к истории создания и деятельности органов охраны объектов культурного наследия). М., 2009. 106 с.
- Национальный атлас, 2009** – Национальный атлас России в 4-х томах. Т. 4. История. Культура. М: Роскартография, 2009. 496 с.
- ОПИГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
- Охрана культурного наследия, 2000** – Охрана культурного наследия России XVII–XX вв.: хрестоматия / Сост. Л.В. Карпова, Н.А. Потапова, Т.П. Сухман. Т. 1. М.: Весь мир, 2000. 528 с.
- Пожидаев, 2017** – Пожидаев А.С. Охрана объектов историко-культурного наследия: механизмы и формы взаимодействия. // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2017. №2 (25). С. 43-46.
- Положение, 1911** – Положение об охране древностей: Проект. Б.м., 1911. 7 с.
- Полякова, 2006** – Полякова М.А. «Культурное наследие»: историческая динамика понятия // *Обсерватория культуры*. 2006. №1. С. 60-63.
- ПСЗРИ, 1718** – Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. Т. V. №3159. С. 511.
- ПСЗРИ, 1720a** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3693. С. 277.
- ПСЗРИ, 1720b** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3738. С. 357-358.
- ПСЗРИ, 1722** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 3908. С. 511-512.
- ПСЗРИ, 1726** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. № 4823. С. 562-563.
- ПСЗРИ, 1728a** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5233. С. 11.
- ПСЗРИ, 1728b** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 5253. С. 22.
- ПСЗРИ, 1732** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. № 6144. С. 896.
- ПСЗРИ, 1749** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIII. № 9622. С. 67-68.
- ПСЗРИ, 1753** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIII. № 10103. С. 840.
- ПСЗРИ, 1754** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIV. № 10319. С. 249-251.
- ПСЗРИ, 1799** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXV. № 18822. С. 528-540.
- ПСЗРИ, 1806** – ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIX. № 22054. С. 133-135.
- ПСЗРИ, 1827** – ПСЗРИ. Собр. 2. Т. II. № 1613. С.1070.
- ПСЗРИ, 1843** – ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVII. № 16205. С.113-122.
- ПСПиР, 1722a** – Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (далее – ПСПиР). Т. II. 1722. № 582.
- ПСПиР, 1722b** – ПСПиР. Т. II. 1722. № 662.
- Разгон, 1957** – Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917 гг.) // *Труды НИИ Музееведения*. М., 1957. Вып. 1. С. 73-128.
- Рункевич, 1900a** – Рункевич С.Г. Из истории Русской Церкви в царствование Петра Великого // *Христианское чтение*. 1900. № 1. С. 48-64.
- Рункевич, 1900b** – Рункевич С.Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего правительствующего Синода (1721–1725 гг.) // *История русской церкви под управлением Святейшего Синода*. Т. 1. СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1900. 435 с.
- Сборник, 1996** – Сборник руководящих документов по управлению местами, являющимися всемирным культурным наследием. М.: Изд-во Фонда реконструкции и развития РГБ, 1996. 128 с.
- СЗРИ, 1857** – Свод законов Российской империи. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный, и пожарный. Т. 12. Ч. 1. СПб., 1857. 664 с.
- Советская историческая, 1961a** – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 1. Аалтонен – Аяны. М.: Советская энциклопедия, 1961. 530 с.
- Советская историческая, 1961b** – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 6. Индра – Каракас. М.: Советская энциклопедия, 1961. 521 с.
- Степанский, 1979** – Степанский А.Д. История общественных организаций в дореволюционной России. М., 1979. 80 с.

- Уваров, 1995 – Уваров С.С. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова Императору Николаю I. // *Река времен*. Вып. 1. М.: Эллис Лак; Река времен, 1995. С. 68-78.
- Указатель законов, 1814 – Указатель законов и постановлений по строительной части. М., 1814.
- Формозов, 1990 – Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. 2 изд., дополненное. М.: Изд. «Советская Россия». 1990. 112 с.
- Merkulov et al., 2017 – Merkulov P., Turin E., Savinova E. Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775.

References

- Aleshin, 1989 – Aleshin A.B. (1989). Restavratsiya stankovoi maslyanoi zhivopisi v Rossii [Restoration of easel oil painting in Russia]. L., 160 p. [in Russian].
- Beda, Guchkov, Zhurov, 1999 – Beda A.M., Guchkov V.V., Zhurov A.N. (1999). Okhrana kul'turnogo naslediya [The protection of cultural heritage]. M. 71 p. [in Russian].
- Brei, 1990 – Brei U. (1990). Arkheologicheskii slovar' [Archaeological dictionary]. M., 368 p. [in Russian].
- Dedyukhina, 1994 – Dedyukhina B.C. (1994). Iz istorii sokhraneniya otechestvennykh pamyatnikov tserkovnoi stariny (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [From the history of the preservation of national monuments of Church antiquity (second half of XIX – early XX centuries)]. *The issues of protection and use of monuments of history and culture: Collection of scientific papers*. M., pp. 81-92. [in Russian].
- Zhukov, 1983 – Zhukov Yu.N. (1983). Rol' prava v okhrane kul'turno-istoricheskogo naslediya v pervye gody sovetskoj vlasti [The role of law in the protection of the cultural heritage in the first years of Soviet power]. *Soviet state and law*. № 11. pp. 117–122. [in Russian]
- Karpova et al., 2000 – Karpova L.V., Potapova N.A., Sukhman T.P. (2000). Okhrana kul'turnogo naslediya Rossii XVII–XX vv. Khrestomatiya. [The protection of cultural heritage of Russia of XVII–XX centuries. Anthology] T. 1. M., 528 p. [in Russian].
- Komarova, 1992 – Komarova I.I. (1992). Tserkovno-arkheologicheskie uchrezhdeniya i okhrana pamyatnikov kul'tury v Rossii kontse XIX – nachala XX v. [Church-archeological institutions and protection of monuments of culture in Russia the end of XIX – beginning of XX century.]. *The archeografichesky year-book for 1990*. M.: Nauka, pp. 83-102. [in Russian].
- Lemke, 1909 – Lemke M.K. (1909). Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826–1855 gg. [Nikolaev gendarmes and literature of 1826–1855 gg.]. SPb., 626 p. [in Russian].
- Livtsov et al., 2017 – Livtsov V.A., Pozhidaev A.S., Nilaeva K.S. (2017). Problema fal'sifikatsii istorii Vtoroi Mirovoj vojny: Orlovsko-Kurskaya duga [The problem of falsification of history of the Second World war: the Orel-Kursk bulge.]. *Central Russian Journal of Social Sciences*. T. 12. № 4. pp. 100-107. [in Russian].
- L'vovich-Kostritsa, 1912 – L'vovich-Kostritsa A.I. (1912). Mikhail Lomonosov. Ego zhizn', nauchnaya, literaturnaya i obshchestvennaya deyatel'nost': biograficheskii ocherk [Mikhail Lomonosov. His life, scientific, literary and public work: a biographical sketch]. 2 izd. SPb.: tipografiya Yu.N. Erlikh, 86 p. [in Russian].
- Materialy po voprosu, 1911 – Materialy po voprosu o sokhranении drevnikh pamyatnikov, sobrannye imperatorskim. Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom [Materials on the question of the preservation of ancient monuments, collected the Imperial Moscow archaeological society]. M., 1911. 62 p. [in Russian].
- Materialy po voprosu, 2009 – Materialy po voprosu o sokhranении drevnikh pamyatnikov, sobrannye Imperatorskim Moskovskim Arkheologicheskim Obshchestvom (Faksimil'noe vosproizvedenie izdaniya 1911 g.). [Materials on the question of the preservation of ancient monuments, collected the Imperial Moscow Archaeological Society (a Facsimile reproduction of the edition of 1911)]. V kn. 150 let okhrane pamyatnikov v Rossii (materialy k istorii sozdaniya i deyatel'nosti organov okhrany ob"ektov kul'turnogo naslediya). M., 2009. 106 p. [in Russian]
- Natsional'nyi atlas, 2009 – Natsional'nyi atlas Rossii v 4-kh tomakh [The national Atlas of Russia in 4 volumes]. T. 4. Istoriya. Kul'tura. M: Roskartografiya, 2009. 496 p. [in Russian].
- OPIGIM – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. [in Russian].
- Okhrana kul'turnogo naslediya, 2000 – Okhrana kul'turnogo naslediya Rossii XVII–XX vv.: khrestomatiya [The protection of cultural heritage of Russia of XVII–XX centuries: the anthology]. Sost. L. V. Karpova, N. A. Potapova, T. P. Sukhman. T. 1. M.: Ves' mir, 2000. 528 p. [in Russian].
- Pozhidaev, 2017 – Pozhidaev A.S. (2017). Okhrana ob"ektov istoriko-kul'turnogo naslediya: mekhanizmy i formy vzaimodeistviya [Protection of objects of historical and cultural heritage: mechanisms and forms of interaction]. *Journal of Public and Municipal Administration*. №2 (25). pp. 43-46. [in Russian].
- Polozhenie, 1911 – Polozhenie ob okhrane drevnostei: Proekt [Regulations on protection of antiquities: project]. B.m., 7 p. [in Russian]
- Polyakova, 2006 – Polyakova M.A. (2006). «Kul'turnoe nasledie»: istoricheskaya dinamika ponyatiya ["Cultural heritage": historical dynamics concepts]. *Observatory of culture*. № 1. pp. 60-63. [in Russian].

- PSZRI, 1718** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (dalee – PSZRI) [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 1. T. V. № 3159. p. 511. [in Russian].
- PSZRI, 1720a** – PSZRI. Sobr. 1. T. VI. № 3693. p. 277. [in Russian].
- PSZRI, 1720b** – PSZRI. Sobr. 1. T. VI. № 3738. pp. 357-358. [in Russian].
- PSZRI, 1722** – PSZRI. Sobr. 1. T. VI. № 3908. pp. 511-512. [in Russian].
- PSZRI, 1726** – PSZRI. Sobr. 1. T. VII. № 4823. pp. 562-563. [in Russian].
- PSZRI, 1728a** – PSZRI. Sobr. 1. T. VIII. № 5233. p. 11. [in Russian].
- PSZRI, 1728b** – PSZRI. Sobr. 1. T. XVIII. № 5253. p. 22. [in Russian].
- PSZRI, 1732** – PSZRI. Sobr. 1. T. VIII. № 6144. p. 896. [in Russian].
- PSZRI, 1749** – PSZRI. Sobr. 1. T. XIII. № 9622. pp. 67-68. [in Russian].
- PSZRI, 1753** – PSZRI. Sobr. 1. T. XIII. № 10103. p. 840. [in Russian].
- PSZRI, 1754** – PSZRI. Sobr. 1. T. XIV. № 10319. pp. 249-251. [in Russian].
- PSZRI, 1799** – PSZRI. Sobr. 1. T. XXV. № 18822. pp. 528-540. [in Russian].
- PSZRI, 1806** – PSZRI. Sobr. 1. T. XXIX. № 22054. pp. 133-135. [in Russian].
- PSZRI, 1827** – PSZRI. Sobr. 2. T. II. № 1613. p. 1070. [in Russian].
- PSZRI, 1843** – PSZRI. Sobr. 2. T. XVII. № 16205. pp. 113-122. [in Russian].
- PSPiR, 1722a** – Polnoe sobranie postanovlenii i rasporyazhenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossiiskoi imperii (dalee – PSPiR) [Complete collection of decrees and orders of the Department of Orthodox confession of the Russian Empire]. T. II. 1722. № 582. [in Russian].
- PSPiR, 1722b** – PSPiR. T. II. 1722. № 662. [in Russian].
- Razgon, 1957** – *Razgon A.M.* (1957). Okhrana istoricheskikh pamyatnikov v dorevolyutsionnoi Rossii (1861–1917 gg.) [Protection of the historical monuments in pre-revolutionary Russia (1861–1917)]. *Proceedings of research Institute of Museology*. M., Vyp. 1. pp. 73-128. [in Russian].
- Runkevich, 1900a** – *Runkevich S.G.* (1900). Iz istorii Russkoi Tserkvi v tsarstvovanie Petra Velikogo [From the history of the Russian Church in the reign of Peter the Great]. *Christian reading*. № 1. pp. 48-64. [in Russian].
- Runkevich, 1900b** – *Runkevich S.G.* (1900). The establishment and original design of the Holy Synod (1721–1725). *The history of the Russian Church under the control of the Holy Synod*. T. 1. SPb.: Tipografiya A.P. Lopukhina. 435 p. [in Russian].
- Sbornik, 1996** – Sbornik rukovodyashchikh dokumentov po upravleniyu mestami, yavlyayushchimisya vseмирnym kul'turnym naslediem [A compendium of guidelines for the management of places that are world cultural heritage]. M.: Izd-vo Fonda rekonstruktsii i razvitiya RGB, 1996. 128 p. [in Russian].
- SZRI, 1857** – Svod zakonov Rossiiskoi imperii. Ustavy putei soobshcheniya, pochtovyi, telegraficheskii, stroitel'nyi, i pozharnyi [The laws of the Russian Empire. The charters of the Railways, postal, telegraphic, construction, and fire]. T. 12. Ch. 1. SPb., 1857. 664 p. [in Russian].
- Sovetskaya istoricheskaya, 1961a** – Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [The Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. T. 1. Aaltonen – Ayany. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1961. 530 p. [in Russian].
- Sovetskaya istoricheskaya, 1961b** – Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [The Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. T. 6. Indra – Karakas. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1961. 521 p. [in Russian].
- Stepanskii, 1979** – *Stepanskii A.D.* (1979). Istoriya obshchestvennykh organizatsii v dorevolyutsionnoi Rossii [History of public organizations in pre-revolutionary Russia]. M., 80 p. [in Russian].
- Uvarov, 1995** – *Uvarov S.S.* (1995). Doklady ministra narodnogo prosveshcheniya S.S. Uvarova Imperatoru Nikolayu I. [The reports of the Minister of public education S.S. Uvarov to Emperor Nicholas I.] // *The river of time*. Vyp. 1. M.: Ellis Lak; Reka vremen, pp. 68-78. [in Russian].
- Ukazatel' zakonov, 1814** – Ukazatel' zakonov i postanovlenii po stroitel'noi chaste [Index of laws and regulations on the construction part]. M. [in Russian].
- Formozov, 1990** – *Formozov A.A.* (1990). Russkoe obshchestvo i okhrana pamyatnikov kul'tury [Russian society and the protection of cultural monuments]. 2 izd., dopolnennoe. M.: Izd. «Sovetskaya Rossiya». 112 p. [in Russian].
- Merkulov et al., 2017** – *Merkulov P., Turin E., Savinova E.* (2017). Cultural and Historical Determinants of the Formation of the Identity of the Scots: the Question of the National Self-Determination of Scotland. *Bylye Gody*. Vol. 45, Is. 3, pp. 765-775. [in Russian].

Эволюция механизмов взаимодействия государства и общества в сфере сохранения историко-культурного наследия в Российской империи

Виктор Анатольевич Ливцов ^{а, *}, Владимир Иванович Филонов ^а,
Александр Сергеевич Пожидаев ^а, Ксения Сергеевна Нилаева ^а

^аСреднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается сложный и противоречивый процесс становления государственно-общественных отношений в сфере сохранения памятников истории и культуры в Российской империи. Отдельное внимание в рамках проведенного анализа обозначенной темы авторы уделяют вопросу взаимоотношений государства и церкви в указанной сфере. В исследовании рассматривается периодизация оформления сферы охраны объектов историко-культурного наследия: XVIII в., XIX – начало XX вв., советское время, постсоветский период. Авторы уделяют внимание не только позитивному, но и негативному опыту реставрационной и строительной практики, связанному с уничтожением памятников зодчества. Помимо этого, рассмотрены вопросы становления, развития и популяризации в Российской империи краеведения и коллекционирования. В статье приводятся факты, свидетельствующие о том, что за период существования Российской империи был наработан богатый и многообразный опыт взаимодействия органов государственной власти и общественных объединений в рамках памятникоохранительной деятельности. Авторы делают вывод, что механизм взаимодействия российского государства и общества в сфере охраны объектов историко-культурного наследия, сформировавшийся в XVIII – начале XX вв., стал плодотворной основой для становления современной модели сохранения объектов историко-культурного наследия.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, государство, общество, Российская империя, политика, власть, законотворчество, церковь, реставрация, коллекционирование, краеведение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: livcov@orel.ranepa.ru (В.А. Ливцов), filonovi@mail.ru (В.И. Филонов), alexandrpojidaev@yandex.ru (А.С. Пожидаев), nilaeva98@mail.ru (К.С. Нилаева)